

ОТКРЫТОЕ МИРУ ПОКОЛЕНИЕ¹

*М.Т. Степаняц
Институт философии РАН*

Аннотация: *Хотя о поколении шестидесятников написано много и глубоко осмысленно, реалистичное «полотно» феномена ещё не закончено: не все фигуры прописаны безупречно, не всегда оправдано выдвижение на передний план одних за счёт других, оказавшихся в тени, а потому «затемнённых» до неразличимости. В статье говорится о роли тех, кто опосредованно оказал влияние на развитие философского востоковедения в СССР. Для востоковедов, пополнивших коллектив Института философии к началу 60-х гг., старшие по возрасту шестидесятники стали эталоном нравственной высоты, демонстрировавшим честность, решимость противостоять и преодолевать ложь во всех её проявлениях. Следуя их примеру, они вступили на путь открытости миру, аргументированно демонстрируя уникальность и разнообразие духовного мира Востока в целом, и его философских традиций в частности.*

Ключевые слова: *философия, востоковедение, шестидесятники, европоцентризм, догматизм, идеология, открытость миру.*

О поколении шестидесятников написано много, подробно и глубоко осмысленно, всегда не безразлично, а, напротив, часто со страстностью и даже пафосом. В результате удалось представить реалистичное «полотно» феномена. И всё же картина не закончена: не все фигуры прописаны безупречно, не всегда оправдано выдвижение на передний план одних за счёт других, оказавшихся в тени, а потому «затемнённых» до неразличимости. Так было всегда, так будет и впредь: воспроизведение прошлого (особенно на исторически близком расстоянии) несёт на себе печать субъективности. В этом никого нельзя винить: «каждый слышит то, что слышит»; каждый видит, то, что видит; каждый понимает и оценивает то, что ему понятно и ценно.

Попробую взять на себя смелость написать о тех, кто отсутствует даже на самом дальнем плане упомянутого выше полотна. Делаю это из чувства долга, как одна из немногих (нас двое – В.Г. Буров и я), кто может рассказать о «появлении» сектора восточных философий в доме 14 на Волхонке и о той роли, которую опосредованно сыграли старшие шестидесятники в развитии философского востоковедения.

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил. – С. 347–376.

*Роль «шестидесятников» в становлении
философского востоковедного направления в СССР*

В 1958 г. Институт философии начал набор кадров из числа выпускников Восточного факультета МГИМО. Сотрудниками Института философии стали синолог Эдуард Яковлевич Баталов и корейст Анатолий Михайлович Ушков, а в 1959 г. – индолог – автор настоящей статьи. Тогда же востоковедная группа пополнилась выпускниками Института востоковедения: арабистом Артуром Владимировичем Сагадеевым и китаистом Вадимом Георгиевичем Буровым, после окончания им аспирантуры Института философии.

Новичков направили в сектор научной информации, возглавляемый Еленой Дмитриевной Модржинской (1910–1982). В секторе информации молодые востоковеды столкнулись противоборствующими идеологическим и политическим полюсами в Институте философии. Эпигоном самого многочисленного в те годы лагеря консерватизма был наша начальница Е.Д. Модржинская. Тогда я не знала и не догадывалась о её прошлом. Приступив к написанию данного очерка, я почерпнула из Интернета информацию, которая позволила прояснить, кем была это женщина.

Ещё в годы студенчества на международном отделении факультета советского права 1-го МГУ (1930), а затем в Академии внешней торговли (1936) Модржинская совмещала учёбу с работой в системе НКВД СССР, а с 1937 г. – в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР. С 1940 г. она служила в 1-м управлении НКВД – НКГБ СССР (внешняя разведка). С декабря 1940 по июнь 1941 г. была резидентом в Варшаве (под кличкой Марья). С 1943 по 1946 г. – начальником аналитического подразделения 3-го отдела Управления политической разведки НКВД.

Из воспоминаний Н.В. Мотрошиловой следует, что подполковник КГБ Е.Д. Модржинская пришла в институт в 1953 г. после работы начальником референтуры Берия в связи с расстрелом своего начальника [Мотрошилова 2009: 427]. В Институте философии она работала до конца жизни (1982) в должности заведующего сектором научной информации, а позже – сектором критики антикоммунизма.

Как пишет в своих воспоминаниях Н.С. Юлина, Модржинская ставила перед сотрудниками руководимого ею сектора задачу «изучать новейшие приёмы защиты старого мира», практикующиеся буржуазными философами и социологами, давать им «идеологический отпор». Смысл работы сотрудников она видела в по-военному оперативном выполнении спускаемых сверху «заданий партии» [Юлина 2009: 441].

Сектор научной информации формировался преимущественно за счёт молодых кадров. Сидели мы в большой комнате рядом с залом заседаний учёных советов на 5-м этаже. Нас было, кажется, не менее тридцати человек. А потому было тесно, сидели локоть к локтю за маленькими столами, наподобие парт, расположенными в три ряда по вертикали аудитории. Я получила место в первом среднем ряду, справа – Олег Дробницкий, сзади – Нина Юлина, Тамара Кузьмина. Во второй половине 1959 г. мы занимались переводом докладов IV Всемирного социологического конгресса в Италии (Милан и Стреза) на тему «Социология и общество».

Волхонка, 14, для нас, выпускников МГИМО, стала вторым университетом. Ускоренному усвоению философских курсов благоприятствовал сложившийся в институте режим работы, не предусматривавший для «неостепенённых» присутственные дни и устанавливавший семидневную рабочую неделю (т. е. с одним выходным) и семичасовым рабочим днём. Только в 1967 г. ввели неделю с двумя выходными днями. Режим строго соблюдался, приход на работу и уход с неё фиксировались на проходной.

Следует добавить, что реально мы находились в стенах института не семь, а восемь часов. Один час занимал обед в столовой (на первом этаже), которая не могла вместить всех желающих, а потому требовалось время для выстраивания в длинной очереди вдоль коридора, начинавшегося от раздевалки. О чаепитиях речь вообще не шла. Но зато были перекуры на лестничной площадке и ещё хотя и кратковременные, но желанные и высоко ценимые встречи в библиотеке, хозяйкой которой была всеми любимая Верочка Орлова. В случае особой необходимости, скажем при сильной головной боли, можно было отсидеться в книгохранилище (на том же 5-м этаже), где библиотекари поили нас чаем с сушками.

Может показаться странным, что наше поколение не бунтовало против столь жёсткого режима работы. Более того, он нас даже кое в чем устраивал. Многие жили в коммуналках, в семейной тесноте, а зачастую в съёмных комнатах или углах. Зарплаты были скромные, так что посещать кафе, а тем более рестораны можно было лишь по особым случаям – в связи с празднованием защит диссертаций.

Словом, в нашем «университете» занятия были внеаудиторные, неупорядоченные, с произвольным составом учащихся и наставников. В таком режиме, как ни парадоксально, было большое преимущество: свобода общаться с кем хочешь; говорить о том, что тебя волнует и интересует; уважать и любить по собственному выбору ума, души и совести.

Стояние в очередях в обеденное время позволяло расширять круг общения. Там мы могли познакомиться со сверстниками из других секторов, область профессиональных интересов которых была иной, чем наша, но с которыми мы были родственны по духу. Для меня особенно дорогой стала дружба с историками философии Нелли Мотрошиловой и Ирочкой Балакиной (защитившей кандидатскую диссертацию по философии Н. Бердяева и вскоре трагически ушедшей из жизни); с психологами Ксаной Славской и Андреем Брушлинским; с философами науки Игорем Акчуриным и Вадимом Казютинским; эпистемологом Владиславом Лекторским и логиком Вадимом Садовским.

Общение со старшими шестидесятниками лично для меня было ограниченным по причине смущения и неловкости перед мэтрами. Возрастной и интеллектуальный разрыв несколько сужался в агитпоходах. То были замечательные выезды философов и экономистов (мы тогда работали в одном здании) в удалённые деревни Московской области.

Участники похода выполняли различные функции. Одни выступали с лекциями в сельском клубе, другие выпускали стенную газету, третьи – участвовали в самодеятельном концерте. Лекторами чаще всего были старшие из нас; при подготовке газет главную роль играли мастера карикатуры Саша Зиновьев и Эвальд Васильевич Ильенков; в концертах принимал участие «молодняк». Я пела в небольшом женском хоре (точно помню, что из нашего института там была Вера Орлова) и танцевала индийский танец. Только в молодости можно было решиться на такой шаг. Завернувшись в настоящее сари, я исполняла изобретённый, после просмотра популярных индийских фильмов, танец под аккомпанемент двух-трёх экономистов, сидевших в углу сцены, в традиционной для индийских музыкантов позе, распеваяющих под звон детских бубенцов и бой барабанчика мелодию из тех же индийских фильмов. Деревенские женщины в смущении от обнажённой талии и босых ног (я же соблюдала индийские традиции) прикрывали лица платочками, а мужчины от всего происходящего входили в раж, хлопая и даже топая. Успех номера побудил участвовавших в походе девушек-экономистов присоединиться ко мне и исполнять индийский танец втроём на сцене актового зала на 3-м этаже Волхонки, 14, где проходили праздничные мероприятия. На них были розово-малиновые сари из купленной в аптеке марли, окрашенной в марганцовке.

Помимо агитпоходов, были ещё и лыжные походы, в более узком составе, преимущественно из числа сотрудников сектора научной информации. Их основными участниками были Олег Дробницкий, Тамара Кузьмина, Нина Юлина, Вадим Садовский, Аза Зыкова,

Мара Степанянц. В течение последующих лет к нам присоединились Ира Вдовина (с мужем и дочкой, которую они возили за собой на санках), Коля Лапин. Иногда в походах участвовали Сильва Кедрова, Юра Давыдов (синолог).

Сборы проходили при входе на Ярославский вокзал, откуда отправлялась электричка до находившейся на 32-м километре станции «Правда». У всех нас были деревянные лыжи, примитивная обувь, подобранные для холода и движения брюки или шаровары, тёплые свитера или куртки. Прибыв на станцию «Правда», мы покупали в пристанционном магазинчике хлеб, консервы, колбасу и печенье к чаю. Становились на лыжи и шли около трёх часов до заветной избушки на окраине деревни, где жила одноногая тётя Ньюша. Она радостно нас встречала: на столе уже стоял самовар и стаканы. Ребята лезли в погреб, где хранилась картошка. Её запекали или отваривали. Всё было готово к застолью после трудного, особенно для меня, неизменно тащившейся позади всех остальных, похода.

Не берусь с уверенностью сказать, что для нас было самым главным пройти по лыжне сквозь замечательно густой лес или провести за самоваром не менее трёх часов в горячих спорах и задушевных разговорах. Для меня второе было самым важным. Говорили о философии, политике, классической и современной литературе и т. д., и т. п. Особенно памятны споры вокруг «Братьев Карамазовых», «Бесов», «Мастера и Маргариты».

Выпив кто сколько мог стаканов крепкого чая (Садовский выпивал до 14!), мы отправлялись в обратный путь уже при свете восходящей луны. В Москву однажды прибыли с последней электричкой. Но то был особый случай, о котором я уже писала в воспоминаниях о Нине Юлиной.

Из сказанного выше можно представить творческую, жизнерадостную, дружескую атмосферу, царившую в среде институтской молодёжи. И ещё в ней витал естественный для юности дух влюблённости! Все это позволяло отгородиться от чуждого, фальшивого и безнравственного.

Европоцентризм в мировом философском дискурсе

Напомню, что Восток упоминался в первом советском издании по истории философии более чем в урезанном виде. В нем вообще отсутствуют упоминания о Китае и Индии. Только в третьей главе раздела «Книга II. Философия феодального общества» говорится об арабском мире. Примечательно, что при этом отмечается (позднее преданный забвению) факт того, что «в VIII–IX вв., в то время как культурное развитие Западной Европы находилось на крайне низком уровне, на Востоке расцветала мощная и своеобразная арабская культура, которая... своеобразно синтезировала и развивала культуру древнего Востока и античного мира (в особенности периода эллинизма)» [История философии... Т. 1, 1941: 432–433]. В шестидесятые годы трёхтомник, который многие называли «Серой лошадью» (по цвету обложки), считался каноническим, о чем свидетельствуют библиографические данные первого издания первых двух томов [История философии... Т. 1,2, 1941]. Планировалась семитомная история философии, однако после выхода третьего тома, посвящённого «философии периода победы и утверждения капитализма (первая половина XIX века)», издание было приостановлено. Причиной тому было письмо Белецкого З.Я. к Сталину с разоблачением «идеалистических ошибок» 3-го тома и последовавшее за этим соответствующее постановление ЦК КПСС от 1 мая 1944 г. Но даже если бы в свет вышли остальные четыре тома, в них не предусматривалось говорить о восточных философских традициях².

² Том IV должен был быть посвящён философии марксизма; том V – истории философии народов СССР; том VI – современной буржуазной философии и том VII – развитию философии марксизма Лениным и Сталиным.

Подобное отношение к философской мысли означало, что в вузовском преподавании и в академической исследовательской деятельности её изучение не считалось необходимым. Оправдания тому, безусловно, нет, но объяснить можно.

Доминировавшая в мире до середины XX в. колониальная система определяла отношение метрополий к колониальным и зависимым народам. Их считали «варварами», исходя из высокомерной убеждённости в том, что только Запад – цивилизация. Соответственным было отношение к культуре и, в частности, к философии за пределами западного мира.

Широко тиражируемой повсюду оценкой «восточной философии» стал «приговор», данный Гегелем в знаменитых «Лекциях по истории философии». В них, в частности, говорилось, что так называемая восточная философия «представляет собой нечто предварительное» по отношению к «истинной философии» [Гегель 1993: 160]. Развернувшееся по всей Азии национально-освободительное движение предвещало неизбежный развал колониальной системы. Он действительно состоялся вскоре после окончания Второй мировой войны. На арену международной политики одна за другой стали выходить ранее колониальные и зависимые страны. Метрополии, а следуя их примеру и западный мир в целом, вынуждены были пересмотреть свои отношения с ними не только в области политики экономики, но и культуры.

Первоначально «пересмотр» не имел радикального характера: европоцентризм не был отброшен. И все же определённые шаги были сделаны. Инициативу проявили США. Обделённые колониальными владениями, американцы реалистично оценивали обстановку и понимали, что отодвинуть на задний план европейских союзников отчасти поможет переформатирование отношений с Востоком посредством налаживания с ним культурного диалога. Гавайи представляли стратегически наиболее перспективное место для институционального оформления философской компаративистики. Географически острова находятся в центре Тихого океана, фактически между Западом и Востоком; большинство их жителей азиаты, главным образом из числа японцев и китайцев; Гавайский университет в Гонолулу – ведущий среди американских университетов центр востоковедения. В 1939 г. при финансовой поддержке Госдепа США и крупнейших фондов Форда и Рокфеллера была организована первая Конференция философов Востока и Запада, положившая начало регулярному проведению компаративистских конференций с участием видных философов из разных регионов мира. Вслед за двумя конференциями в 1951 г. состоялось учреждение первого международного квартального журнала «Философия Восток-Запад» (Гонолулу), который приобрёл и продолжает сохранять статус самого авторитетного периодического издания по сравнительной философии.

Поначалу философы-компаративисты не преследовали цель наладить диалог на равных. И всё же само вступление в диалог означало признание причастности других, прежде всего азиатских, философов к мировому историко-философскому процессу. Позже от стереотипного дихотомного подхода, при котором философия на Востоке рассматривалась как прямая противоположность «истинной» – западной философии, наметился постепенный переход к взаимно уважительным отношениям и признанию перспективности выхода на межкультурный метод философствования.

Следует признать, что при всех особенностях исторического развития, культурной специфики и ментальности российская философия в отношении к духовному наследию Востока следовала в русле Запада. Сказывалось значительно более позднее, чем в Европе, появление в нашей стране философского образования. Только в 1724 г., следуя совету Г. Лейбница, Петр I издал указ о начале преподавания философии в Академическом университете Петербургской Академии. С 1755 г. философию стали преподавать в Московском университете. Среди преподавателей преобладали иностранные профессора, преимущественно немецкие.

Самыми распространёнными были учебники по философии вольфианцев Ф.Х. Баумейстера и И.Г. Винклера.

После смерти Николая I и отмены крепостного права наступил период реформ, сопровождаемый культурным подъёмом, включая область философии. Расцвет русской философии наблюдался в годы, предшествовавшие Октябрьской революции. Хотя власти продолжали проявлять осторожность и предписывали обучать истории философских систем критически, давая им оценку с точки зрения идеологии и религии, профессура представляла историю философии в её многообразии (П. Трубецкой, П. Вознесенский и др.). Тем не менее восточным философиям по-прежнему места не находилось.

Европоцентризм в контексте идеологии пролетарского интернационализма

До пятидесятых годов XX столетия отечественная философия оставалась преимущественно европоцентристской. Действовала не только инерция дореволюционного прозападного восприятия мирового философского наследия. Этому благоприятствовала принятая советским государством идеология, философским основанием которой был марксизм, упрощённый и трансформированный дополнением ленинизма.

Парадоксальное сочетание европоцентризма с политическим интернационализмом не смущало советских идеологов своей логической несовместимостью. Только прагматичный расчёт побудил их приступить к подготовке истории всемирной философии. Политическое руководство СССР не меньше, чем властные элиты западных союзников, осознало необходимость участия в геополитическом переделе мира. От объединения пролетариев всех стран надо было переходить к более реалистичной и перспективной политике – к налаживанию диалога и сотрудничества с молодыми суверенными государствами.

Полагаю, что именно такой была мотивация подготовки нового издания истории философии, анонсированной как история «всех времён и народов». Однако для реализации столь масштабного проекта одного желания было недостаточно: в Институте философии – в главном академическом философском центре страны – отсутствовали необходимые научные кадры.

Первый востоковед с философским образованием появился в Институте философии в 1948 г. Им был Ян Хиншун (1904–1989) – китаец по происхождению, окончивший в 1933 г. Коммунистический университет преподавателей общественных наук в Москве и защитивший в 1948 г. кандидатскую диссертацию на тему «Философское учение Дао-Дэ-цзина». Через три года после поступления в штат Института философии он получил должность старшего научного сотрудника.

Вслед за Яном сотрудником института стал Николай Герасимович Сенин (1918–2001) – выпускник философского факультета МГУ (1943). Проработав четыре года в Посольстве СССР в Китае (1943–1947), а затем в МИД СССР (1947–1951), он был принят на работу в Институт философии (1951) в должности научного сотрудника, а через два года защитил диссертацию на тему «Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ятсена».

Тогда же, в 1951 г., был принят на работу в Институт философии иранист Сергей Николаевич Григорян (1920–1974), выпускник Московского института востоковедения. В 1948 г. он поступил в аспирантуру, где под руководством известного историка-исламоведа Е.А. Беляева подготовил кандидатскую диссертацию о бехаизме в Иране, защищённую им в 1951 г. В том же году С.Н. Григорян становится сотрудником Института философии АН СССР.

В 1956 г. ряды востоковедов пополнились индологом и японистом. Первым был Николай Петрович Анিকেев (1925–2007). После военной службы он учился и в 1953 г. окончил

Московский институт востоковедения. В 1956–1982 гг. – научный сотрудник Института философии АН СССР, где в 1957 г. защитил диссертацию по теме «Материализм и атеизм системы санкхья раннего средневековья».

Что касается специалиста по японской философии, то им был Яков Борисович Радуль-Затуловский (1903–1987). Человек с необычной, хотя для советских времён типичной биографией. Происходил из рабочей семьи. В 1918 г. вступил в Красную армию, давал уроки грамоты в Киевском полку связи. В 1921–1925 гг. работал в политшколе ЧК (ОГПУ), в 1924 г. поступил на факультет права Киевского института народного хозяйства. На втором курсе заинтересовался китайской и японской философией, начал самостоятельное изучение китайского языка. Получив в 1928 г. высшее образование, работал профессором (?) философии в киевских сельскохозяйственном и кооперативном институтах. С 1930 г. учился в аспирантуре Московского института востоковедения. В 1936 г. защитил диссертацию «Учение Конфуция в современной японской философии».

В 1930-х гг. Радуль-Затуловский участвовал в кампании, направленной против издания книг международной серии «Bibliotheca Buddhica», т. е., фактически, против выдающегося российского учёного – академика Щербатского Федора Ипполитовича (1866–1942), труды которого, включая двухтомник «Буддийская логика» (Leningrad, 1930–1932), были признаны во всем мире классическими. Критик, в частности, заявлял, что «продолжение издания серии “Библиотека Буддика”... дело политически вредное. Обслуживать буддистов теологическими текстами не к лицу Академии наук СССР», и делал вывод: «издание “Библиотека Буддика” прекратить» [Цит. по: Андреев 2008: 168]. В ходе кампании были подвергнуты гонениям известные ученики Федора Ипполитовича, многие были арестованы и погибли в лагерях.

В те же годы на Всесоюзном конкурсе работ молодых учёных Радуль-Затуловский получил первую премию за статью «Образцы фашистской модификации конфуцианства». В 1942 г., находясь в эвакуации в Ташкенте, он защитил диссертацию «История материалистических идей в Японии в XVII–XIX вв.» на степень доктора исторических наук. С 1946 г. возобновил работу на Восточном факультете, получив через год звание профессора. Выход в свет его труда «Конфуцианство и его распространение в Японии» вызвал громкую критику Г.Ф. Александрова на страницах журнала «Вопросы философии» (1948). Согласно резолюции АН СССР от 6 апреля 1949 г. «О борьбе с буржуазным космополитизмом в востоковедной науке», работа Я.Б. Радуль-Затуловского была названа «примером раболепия перед иностранщиной». За «методологическую порочность» он был уволен из ИВ АН СССР в 1950 г. В штат Ленинградского сектора Института философии АН СССР Радуль-Затуловского приняли в 1956 г.

В таком необычном составе (Ян Хиншун, Н.Г. Сенин, С.Н. Григорян, Н.П. Аникеев, Я.Б. Радуль-Затуловский) в 1956 г. была создана Группа по истории философии стран Востока в секторе истории философии Института философии АН СССР. Её возглавил Ян Хиншун. То был первый шаг к организации сектора восточных философий.

Организационно молодые кадры востоковедов были выведены из сектора научной информации в 1960 г. Согласно приказу по институту от 06.08.69, ранее упоминаемая восточная группа была преобразована в сектор философии и социологии стран Востока. В него вошли: Аникеев Н.П., Баталов Э.Я., Буров В.Г., Григорян С.Г. (зав. сектора), Козловский Ю.Б., Коробков А.Ф., Радуль-Затуловский Я.Б., Сагадеев А.В., Сенин Н.Г., Степанянц М.Т., Ушков А.М., Ян Хиншун. В обязанности сотрудников сектора вменялась «критика буржуазных концепций о развитии духовной культуры народов Востока; изучение теоретических основ национально-освободительного движения; разоблачение идеологии колониализма; обобщение теории и практики строительства социализма в народно-демократических странах Востока». Формулировка задач соответствовала концепции «Истории философии» в шести томах

[История философии... 1957–1966], ради подготовки которой был учреждён сектор восточных философий.

Хотя первое заседание сектора состоялось 12 июля 1960 г., своего помещения у нас не было, а потому те, кто входил ранее в сектор научной информации, сохраняли в нем свои рабочие места. Нам, безусловно, повезло, поскольку оградило на время от прямого удушающего давления, которое грозило в новом секторе, и давало возможность спокойно закончить написание диссертаций. Поступив на работу в Институт философии в 1958–1959 гг., мы, востоковеды, вскоре стали аспирантами заочной аспирантуры и практически одновременно с выпускниками философского факультета МГУ вышли на защиты в 1963–1964 гг.

1961 г. был для меня рубежным с точки зрения внутреннего взросления. В этот год я сдала кандидатский минимум, проявив максимум усидчивости в самообразовании. Правда, пришлось еще преодолеть неожиданно возникшую преграду. Ожидая своей очереди на сдачу первого экзамена, я узнаю, что к нему не допущена. Заведующая аспирантурой Маршак (имя и отчество не помню – *М. Т.*), которую аспиранты звали «Маршачкой», что выражало их отношение к этой административной защитнице «идеологической зрелости» молодёжи, буквально преградила мне вход в экзаменационную аудиторию, заявив, что я ещё «не созрела» стать кандидатом наук. Мне пришлось тут же обратиться за помощью к учёному секретарю Геннадию Васильевичу Осипову, который знал меня не только потому, что мы были почти ровесники, но и по причине нашей общей *alma mater* – МГИМО. Он заступился, и Маршак вынуждена была подчиниться. Ниже я поясню, как возникла подобная неприятная ситуация. А пока с чувством огромной благодарности признаюсь, что большую роль в подготовке к экзаменам сыграл Вадим Садовский, помогавший в освоении истории философии. Он же вводил меня в круг шестидесятников из числа своих близких друзей. Так я познакомилась с Юрой Щедровицким, Васей Давыдовым (психологом), Володей Швыревым.

Тема диссертационного исследования утверждалась с учётом моего базового образования индолога с углублённым изучением языка урду и мусульманства на полуострове Индостан (т. е. в Индии и Пакистане). При формулировке темы принимались во внимание те должностные обязанности, которые возлагались на меня в связи с подготовкой VI тома «Истории философии». Учитывалась и общая направленность исследований по зарубежной философии, вмещающая обязательную критику с позиций марксизма-ленинизма. Словом, тема звучала следующим образом: «Критика официальной концепции “исламского среднего пути” развития в Пакистане».

Научным руководителем мне назначили члена-корреспондента Михаила Трифионовича Иовчука. Я, кажется, навсегда сохранила в памяти постоянно появлявшуюся в институтской стенной газете карикатуру на Иовчука, блестяще исполненную Эвальдом Васильевичем Ильенковым. Видимо, решение руководства Института философии назначить его моим научным руководителем определялось тем, что зав. сектором С.Н. Григорян не был к тому времени доктором наук. С научным руководителем и с темой диссертации на заключительном этапе защиты в 1963 г. возникли трудности, но об этом речь пойдёт позже.

1961 г. был знаменателен для меня также тем, что я дважды выезжала в зарубежные командировки, что было для таких молодых, как я, безусловно, событием исключительным. В январе в составе институтской делегации (Е.В. Шорохова и В.С. Семенов) я приняла участие в работе VIII Пакистанского философского конгресса в Карачи. Для меня это был подарок судьбы: впервые иметь возможность использовать свои знания языка урду, познакомиться с тем, что в реальности представляет Пакистан и его философы. Как легко можно догадаться, в делегации моя роль официально сводилась к роли переводчика. Но я осмелилась подготовить доклад об изучении философии Востока на языке урду, который тогда был у меня в отличной форме, значительно лучшей, чем английский. Для пакистанцев выступле-

ние иностранца на их родном языке был неожиданным и особенно радостным. В результате меня окружили необыкновенным вниманием не только ординарные пакистанские коллеги, но даже президент Пакистанского философского конгресса, учёный с мировым именем профессор Мухаммед Шариф. Он единственный философ из среды мусульман, работа которого включена в авторитетную антологию «Современной индийской философии» [Contemporary Indian Philosophy 1963], составленную Сарвепалли Радхакришнаном и опубликованную под совместной редакцией с британским философом Джоном Генри Мьюирхедом, прославившимся созданием многотомной «Философской библиотеки» в 1890 г. (позднее названной его именем). М.М. Шариф первый, кто ввёл в научный оборот концепт «мусульманская философия». Самым прославленным его трудом стала двухтомная «История мусульманской философии» [A History of Muslim Philosophy... 1963–1966].

Пакистанские философы одарили меня множеством книг, поместившихся в два больших фанерных ящика, которые в Москву были позже отправлены только благодаря советнику посланника нашего посольства. Без полученных в дар книг, подборок журналов, оттисков статей я никогда не смогла бы написать диссертации, поскольку в наших библиотеках ничего подобного найти было невозможно.

Следующим памятным событием 1961 г. можно считать августовскую месячную командировку в США для участия в международном семинаре в городке Поукипси (Poughkeepsie) штата Нью-Йорк [American Friends Service Committee International Seminar... 1961]. Приглашение поступило в Советский комитет молодёжных организаций (КМО) от Американского совета квакеров, известных как последовательные пацифисты и активные борцы за мир. Сам семинар длился две недели, а затем его участников (около 40) разделили на группы из двух-трёх человек и направили в различные штаты. Я входила в группу с Джоном Рокфеллером (позже сенатором США) и нигерийским студентом из Кембриджа (фамилию не помню). Нас направили в южный штат Северная Каролина.

От Института философии в советскую делегацию входили Лев Митрохин, Геннадий Слесарев³ и я. Будущий академик РАН Л.Н. Митрохин (1930–2005) стал сотрудником Института философии на год раньше меня, в 1958 г., в должности младшего научного сотрудника сектора научного атеизма. С 1961 по 1963 г. он работал в ЦК ВЛКСМ. Полагаю, что в состав делегации меня могли включить по его рекомендации, поскольку мы дружили, вместе участвовали в колхозных агитпоходах и т. п. По договорённости с квакерами американская и советская делегации должны были состоять из 14 человек (включая двух девушек). В ЦК ВЛКСМ мне было сказано, что я буду представлять одновременно советскую научную интеллигенцию, женщин и нацменьшинства – армян. Другой делегаткой была социолог из Литвы.

Поездка была чрезвычайно интересной, содержательной и поучительной. Не обошлось, однако, без двух неприятностей. Первая – кража моей записной книжки соседкой по комнате в общежитии колледжа. Её звали Джанет Бернштейн (США). Пока я принимала утренний душ, она успела выкрасть записную книжку, спрятанную под матрац из осторожности (о которой нас наставляли в Москве). В ужасе от случившегося, я немедленно призналась в своей «безответственности» руководителям делегации. Состоялось закрытое совещание (участники мне не известны), на котором решался вопрос о немедленной отправке меня в Москву. Благодаря другу Лёве, меня, в конце концов, строго предупредили, но домой не отправили, а главное, видимо, не сделали доноса.

Однако уже по возвращении из командировки я вновь «провинилась», выступая с сообщением о состоявшемся семинаре перед сотрудниками сектора научной информации. Пред-

³ Слесарев Геннадий Александрович (род. 1931), выпускник МГИМО, социолог. Специалист по демографии и социальной структуре общества.

седательствовавшая Е.Д. Модржинская оценила выступление как свидетельство моей «идейной незрелости». Оно проявилось, по её мнению, в некритической оценке пацифизма и непонимании реакционной роли религии, в частности протестантского квакерства. Ястребиная острота зрения позволила Модржинской точно определить мои «порочные изъязны». В последующие годы их узрели и публично осудили уже другие «ястребы».

В приведённом выше эпизоде официальных выговоров не было, но полагаю, что бдительная Маршачка пыталась стать на пути моего продвижения к защите диссертации по совету, а может быть, и указанию Е.Д. Модржинской, которую, по воспоминаниям Л.Н. Митрохина, в первую очередь интересовала идеологическая стойкость философских кадров [Митрохин 2005: 428].

В июле 1961 г. я вышла замуж за Сашу Сыродеева, с которым была знакома ещё по учёбе в МГИМО. Он был старше меня на восемь лет, поступил в институт после семи с половиной лет службы в военно-морском флоте, принимая участие в боевых действиях и командуя тральщиком морских мин в водах Балтики. Саша окончил то же, что и я, индийское отделение Восточного факультета, но на год раньше, и сразу был направлен на дипломатическую службу в Посольство СССР в Дели. Подавляющее большинство гостей (а их было около 100) на нашей свадьбе составляли друзья из Института философии. Свидетелем со стороны невесты на брачной церемонии была Вера Орлова. Свадьба прошла весело, но были и слезы, как это положено на свадьбах. С конца декабря 1961 по май 1963 г. Институт философии откомандировал меня в распоряжение Министерства высшего образования для преподавания русского языка в Делийском университете.

Плеяда «остепенённых» шестидесятников

Полтора года в Индии были максимально использованы для сбора материалов по диссертации и для подготовки первых публикаций. За время моего отсутствия сектор (с 1960 по 1979 г. он назывался сектором философии и социологии стран Востока) обрёл помещение – маленькую комнату, которую он делил с сектором русской философии. Рабочих мест для научных сотрудников в комнате не было. Режим труда оставался прежним, поэтому работать надо было в читальном зале. К счастью, я смогла найти укромное место в спецхране. По решению каких-то лиц, не то в аспирантуре, не то «старших товарищей» в секторе, предстоящая защита диссертации заранее была объявлена «закрытой», а потому я имела право пользоваться заказываемыми спецхраном книгами и журналами, читая их в том же закрытом помещении. Такое уединение меня вполне удовлетворяло. Приближались сроки окончания аспирантуры и защиты, а времени оставалось немного.

Защита состоялась в 1963 г. Хотя итог её был успешным, пришлось здорово переволноваться. Виной тому было неординарное поведение М.Т. Иовчука. Войдя в зал заседаний Учёного совета, он сразу громогласно заявил, что защита отменяется! Вместо меня заговорила опытный и уважаемый учёный секретарь совета. Она осмелилась выяснить причину заявленного председателем Учёного совета. Тот гневно ответил, что возмущён закрытым характером защиты и тем, что ему не соизволили прислать автореферат. Секретарь заверила, что собственноручно направляла ему автореферат, и привела доказательства (сейчас не помню какие). Воинственно настроенный председатель в конечном итоге согласился провести защиту.

Не знаю, слышал ли М.Т. Иовчук, что говорили соискатель и оппоненты? Всё заседание он безотрывно листал диссертацию и что-то в ней подчёркивал. В заключение взял слово.... И о чудо! Из его уст полилась хвалебная речь. Голосование прошло успешно, с одним «против». Не сомневаюсь, что это был голос Е.Д. Модржинской.

Причина происшедшего заключалась в том, что назначенный в 1961 г. научным руководителем уважаемый член-корреспондент был подвергнут критике за взятие на себя руководства слишком большого числа аспирантов, да ещё по темам, в которых он некомпетентен. Вскоре он был вынужден принести кого-то «в жертву». Я была одной из самых подходящих фигур, поскольку казалась ему наиболее бесперспективной, т. к. вышла замуж и уехала за границу. Решение стало мне известно только по возвращении в Москву. С наивностью неопытного в подобных делах человека, я решила, что буду защищаться без научного руководителя. Закончив диссертацию и сообщив коллегам, что намерена её представить на обсуждение, узнала от них, что защита без научного руководства недопустима. Пришлось спешно обращаться к С.Н. Григоряну. Я благодарна ему за то, что он согласился поддержать меня.

Любопытно, что Михаил Трифионович в последующие годы неоднократно публично заявлял, что он был моим научным руководителем, на что я каждый раз напоминала ему о его «предательстве». Если говорить серьёзно, научными руководителями для меня были друзья-коллеги, в первую очередь из редакции журнала «Вопросы философии». К моим первым философским текстам относятся статьи в «Вопросах философии». Редактором № 1 во всех отношениях стал для меня Эрих Юрьевич Соловьев. Хотя по возрасту он был лишь на год старше, я считала его философским мэтром. Он не ограничивался стилистической правкой, уточнением того или иного авторского выражения. Эрих вольно или невольно становился соавтором. Так было при подготовке к печати двух статей, особенно второй из них [Степанянц 1964: 78–88; Степанянц 1966: 100–109]. Написанные на основании многочисленных источников и литературы, статьи отличала информативная ценность, но они носили преимущественно описательный характер, не хватало аналитического подхода, позволяющего анализировать, оценивать. Эрих щедро делился своими блестящими в этом отношении способностями. Более того, он даже предложил внести в текст небольшие вставки, сформулированные им самим. В результате получились статьи, привлёкшие внимание за рубежом. Обе статьи были переведены в Великобритании на английский язык и опубликованы в авторитетном журнале «Central Asian Review» [Stepanyants 1965: 55–61; Stepanyants 1966: 294–305].

Известно, что менторство (англ. mentoring) означает наставничество, взаимодействие опытного человека, эксперта, достигшего значительных вершин в своей деятельности, с менее опытным, начинающим человеком. Эрих невольно выполнял именно роль ментора. Дружба с ним, всегда сочетавшаяся с его способностью наставлять, направлять других в реализации их авторских замыслов, остаётся для меня и по сей день особенно значимой. Годы моего преподавания в МГИМО (1969–1973) совпали с появлением на московских экранах «Земляничной поляны» И. Бергмана и ростом интереса к экзистенциализму. Прочитав полученную в подарок от Эриха его книгу об экзистенциализме [Соловьев 1966], я решила просветить своих студентов и пригласила его прочитать им лекцию об экзистенциализме. Хотя среди студентов были вполне достойные ребята (Сергей Лавров – нынешний министр иностранных дел РФ; академик Анатолий Торкунов – ректор МГИМО и др.), замечательная лекция Э. Соловьева, кажется, оказалась им не под силу. Зато для меня она была одной из лучших, которые посчастливилось услышать в жизни.

Расширив поле исследовательских занятий за счёт выхода за пределы Индостана и занявшись подготовкой монографии о философии и общественной мысли мира ислама в XIX–XX вв., я предприняла попытку обосновать и описать влияние христианской Реформации на реформаторское движение в исламе, их сходство и различия. Подсказала и вдохновила меня на разработку указанной темы (она в будущем стала темой моей докторской диссертации), несомненно, ставшая бестселлером книга Эриха о Лютере [Соловьев 1984].

Подводя итоги первых лет работы в институте, могу с уверенностью сказать, что мне повезло оказаться в философском сообществе в замечательное время. Судьба подарила возможность встречи с поистине необыкновенными людьми – высокообразованными, талантливыми, увлечёнными, свободомыслящими. Хотя я тепло вспоминаю о годах учёбы в МГИМО, все же должна признаться, что образование в высоком смысле слова я обрела в Институте философии.

Вторая половина 60-х гг.

Моя жизнь и работа в Институте философии делится на три основных этапа, границами которых стали: защита кандидатской диссертации (1963), докторская защита (1974), заведывание сектором восточных философий (1980–2012). Промежуточными между ними являются три заграничные командировки, связанные с дипломатической службой мужа. Первая проходила в Индии с 1963 по 1966 г.

В период командировок я всегда работала «на два фронта», совмещая дипломатическую работу с академическими занятиями, неизменно стоявшими для меня на первом месте. За границей я собирала материалы и писала тексты книг, а также статей. Официально исполняя обязанности сначала зам. директора Советского дома науки и культуры, а затем культурного атташе посольства, я заканчивала подготовку первой своей монографии. Она была опубликована в 1967 г. [Степанянц 1967]. Богатые впечатления от пребывания в Индии, а также советы сначала бывшего посла Индии в Москве (последнего из дипломатов, принятого Сталиным), президента Советско-Индийского общества дружбы Кришны Менона, а затем директора редакции «Восточная литература» издательства «Наука» Олега Константиновича Дрейера подвинули меня написать очерки о переменах в духовной жизни индийцев [Степанянц 1971]. Примечательно, что при подготовке своеобразной книги – травелога по Индии, я взяла для себя за образец выполненную в этом жанре работу Льва Митрохина «Американские миражи» [Митрохин 1962]. Эта книга была написана Львом под впечатлением поездки в США, о которой я рассказала выше. В ней речь шла, главным образом, об американской молодёжи 60-х.

Мои первые книги были переведены и изданы: первая – в Пакистане, вторая – в Литве [Stepanyants 1972; Stepanyants 1973]. Правда, публикация первой сопровождалась осложнениями, о которых я упоминаю только потому, что они имели прямое отношение к атмосфере, царившей в СССР в 60–70-е гг. Узнав о том, что редакция «Восточная литература» по заказу, поступившему из пакистанского издательства, готовит английский перевод моей небольшой книги, зав. сектором Пакистана академического Института востоковедения Юрий Владимирович Ганковский написал директору издательства «заявление». В нем говорилось о недопустимости публикации работы, которая вызовет негативную реакцию в Пакистане, вплоть до антисоветских демонстраций. Об этом доносе меня информировал Дрейер. Ни минуты не сомневаюсь в недоброжелательном характере заявления Ганковского, особенно обидного для меня, поскольку мы были знакомы и он при встречах неизменно проявлял, пусть и слащавую, любезность. Я попросила устроить «очную ставку». Она состоялась в кабинете директора издательства в присутствии его самого, Ю.В. Ганковского, редактора Л.С. Фридман и «обвиняемого». Ганковский объяснил свой шаг заботой о научной репутации «молодого, идеологически незрелого учёного» и желанием оградить его от осложнений. Упомянутый ранее случай с дословно сходным обвинением в мой адрес со стороны Модржинской позволил мне на этот раз не смолчать, а резко отпарировать: «Убедительно прошу не беспокоиться за мою репутацию. Беру всю ответственность на себя».

Спустя годы я узнала некоторые подробности биографии Ю.В. Ганковского (1921–2001). После окончания в 1942 г. исторического факультета МГУ он преподавал в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ). В 1947 г. был арестован и осуждён ОСО при МГБ СССР на 8 лет ИТЛ (ст. 58–10, ч. 1 УК РСФСР)⁴. Ганковский Ю.В. был освобождён условно-досрочно в 1954 и реабилитирован в 1956 г. [Люди и судьбы 2003]. С этого же года до конца жизни он работал в Институте востоковедения АН СССР.

Как могло случиться, что человек, пострадавший от доноса, мог сам прибегнуть к подобному подлому действию? Поведение доносителей по служебному долгу в соответствующих органах безопасности не поддаётся пониманию. В период студенческой стажировки в Индии (1959) на меня был написан донос. Из-за него мне отказали в приёме на работу в ряде организаций международной ориентации. При всем презрении к доносчику, я всё же могла понять причину его поведения – он выслуживался перед соответствующим ведомством. Но как ранее репрессированный Юрий Владимирович доносил только потому, что ему хотелось быть первым и хотя бы на некоторое время единственным советским учёным, работа которого была удостоена чести быть изданной в Пакистане?! Как ради мелкого тщеславия образованный интеллигент может пойти на такую подлость? Так поступали в сталинские времена ради карьеры, «обретения» квартиры или даже жены того, на кого доносили.

В заключение этой печальной истории могу сказать, что публикация книги не вызвала каких-либо протестов и тем более демонстраций, а, напротив, получила неожиданно восторженные оценки в ведущей газете «Пакистан таймс» [Zeno 1972; A staff reporter... 1972; Qadir 1972].

Из наиболее значимых событий упомянутого пребывания в Индии были три ежегодные сессии Индийского философского конгресса. Они проходили в декабре 1966–1968 гг. соответственно в Джодпуре, Патне и Бенаресе (Варанаси). В работе индийских философских конгрессов принимали участие несколько сотен индийских философов, преимущественно профессора и преподаватели университетов всех штатов страны. Иностранцев было не более 5–10 человек. Мои доклады были опубликованы в специальных томах с материалами сессий. Но главным было не это, а то, что установленные связи позволили наладить устойчивое развитие сотрудничества нашего института с Индийским советом по философским исследованиям, Индийским философским конгрессом, а позже – учредить кафедру им. Махатмы Ганди по изучению индийской философии.

«Шестидесятники» в противостоянии идеологическому догматизму

Возвращение в Москву в 1969 г. было радостным событием. Я всегда в заграничных командировках тосковала по дому, по родителям, по друзьям и, конечно, по несравненной атмосфере институтского сообщества. За три года отсутствия в Институте философии многое изменилось. Сказались трагические события Пражской весны, реакция на них в философской среде, ответные репрессивные административные действия, бурные партийные собрания и т. д. Так, совмещавший работу в Институте философии с заведыванием кафедрой логики философского факультета МГУ Саша Зиновьев был снят с должности (1968) за отказ увольнять преподавателей (Виктора Финна и Юрия Гастева), выступивших с протестом против ввода советских войск в Чехословакию. Было и много других примеров репрессивного характера.

⁴ Указанная статья гласит: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2, 58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы не менее шести месяцев».

Произошла смена директора института: на место Ф.В. Константинова в 1968 г. пришел П.В. Копнин. Приход высококлассного специалиста по методологии научного познания и истории логики, каким являлся Петр Васильевич, предвещал благоприятные перемены в жизни Института философии. Одним это внушало оптимизм, других, цепляющихся за устаревшие догмы, жёсткие идеологические установки, тревожило. В 1970 г. П.В. Копнин был избран в члены-корреспонденты АН СССР. Противостояние ещё более усилилось в связи с перспективой избрания его в академики. Говорят, что уход из жизни Петра Васильевича в значительной мере был связан со сложившейся напряжённой обстановкой. В июне 1971 г. он скончался.

Изменения произошли и в секторе, с которого начиналась моя жизнь в институте. Защитив кандидатские диссертации, сотрудники сектора почувствовали в себе силы освободиться от методов и стиля руководства Е.Д. Модржинской. Главными «бунтовщиками» были мои ближайшие друзья (О.Г. Дробницкий, Т.А. Кузьмина, Л.Н. Митрохин, Н.С. Юлина). Модржинская была освобождена от заведования, а протестовавшие стали сотрудниками сектора критики современной буржуазной философии стран Запада. Заведующим сектором назначили Льва Николаевича Митрохина. Так сектор критики современной буржуазной философии обрёл новую жизнь, со временем он стал сектором современной западной философии.

Лев Митрохин проявил себя как последовательный боец: именно он способствовал смещению Е.Д. Модржинской с должности заведующей сектором критики антикоммунизма, проводившей в институте кампанию по борьбе с космополитизмом и отходом от «принципов партийности»; он же добился вынесения выговора по обвинению в плагиате академику М.Б. Митину, что повлекло смещение последнего с должности главного редактора журнала «Вопросы философии» и назначение на эту должность И.Т. Фролова, что существенно изменило атмосферу в советской академической философии.

В моем же секторе формально особых перемен за три года не произошло. Правда, институт покинули Эдик Баталов и Толя Ушков, а также те, кто появился среди нас, а затем исчез по не совсем понятным причинам (Ю. Давыдов – китаист, В. Шишкин – индолог). Сожаление вызывал переход в другой институт талантливого Э. Баталова. Полагаю, что его побудило к уходу давление со стороны «старших товарищей», составлявших большинство группы дальневосточников (Китай, Япония). Позитивным стало пополнение сектора за счёт приёма на работу новых, преимущественно молодых, специалистов. К их числу относились Борис Ерасов и Николай Илларионов (оба – африканисты).

Главным же «приобретением» явилась Евгения Антоновна Фролова. Главным, поскольку она сыграла большую роль в тех будущих положительных переменах, которые произошли в философском востоковедении. Она окончила философский факультет МГУ в 1951 г. и там же защитила кандидатскую диссертацию (1954), в Институте философии начала работать с 1960 г., после преподавания в Институте марксизма-ленинизма и редакторской работы в издательстве «Иностранная литература». Первоначально Е.А. Фролова была референтом академика Митина, затем сотрудником в отделе истории философии. В нашем секторе она начала работать с 1962 г.

Пополнение наших рядов человеком с отличным философским образованием оказалось для сектора судьбоносным. Ещё в период редакторской деятельности в издательстве «Иностранная литература» она заинтересовалась арабской философией и даже начала в частном порядке изучать арабский язык. Евгения Антоновна сосредоточилась на изучении фалсафа, т. е. школы арабского перипатетизма. Первой её монографией была «Проблема веры и знания в арабской философии» (1983). Все, что она писала, отличалось строгой логичностью (напомним тему её кандидатской диссертации – «О связи языка и мышления», 1954) и великолепным стилем изложения. Но не менее важной была её гражданская позиция. Женя при-

надлежит к плеяде ярких шестидесятников. Годы её студенчества и учёбы в аспирантуре полностью совпадают с теми, что у Александра Зиновьева. Она была одним из самых активных членов редколлегии знаменитой институтской стенной газеты. Войдя в коллектив сектора восточной философии, более чем кто-либо другой, внесла в него критический и мятежный дух шестидесятых. Логичным стала её позиция в идеологическом противостоянии, принявшем в секторе острые формы в семидесятые годы и завершившемся радикальным его преобразованием в последние два десятилетия XX в.

Дружба с Женей Фроловой и Неллей Мотрошиловой приобрела новые смыслы в связи с их браками, соответственно с Эрихом Соловьевым и Юрием Александровичем Замошкиным. Я неслучайно упоминаю последнего с отчеством. Я не могла сразу перейти с ним на «ты» и звать по имени без отчества. Объясняется это просто – он был моим преподавателем истории философии во время учёбы в МГИМО. В нашем «семейном кругу» были также практически незнакомые мне ранее Борис и Наташа Грушины. Мы часто собирались вместе в связи с празднованием дней рождений и прочих достойных с нашей точки зрения событий. Такие «празднества» проходили на квартирах Нелли и Юры, Жени и Эриха, у меня с Сашей. Мне особенно памятно одно и моих рождений, на котором присутствовал Мераб, восседавший в качестве тамады во главе нашего семейного дубового стола, раскладывающегося на 24 персоны.

Но самыми незабываемыми были новогодние застолья. Все, включая взрослых детей: дочь Замошкина – Саня, сын Нелли – Андрей, самая младшая из всех – «инфанта» Грушиных Оля, – собирались чаще всего на даче Замошкиных, что допускало присоединение к нам ближайших дачных соседей (Ф. Бурлацкого и др.).

Дачный дом был построен по проекту модного тогда архитектора, необычному, по крайней мере, для скромных сотрудников академических институтов. Его интерьер отличался большим вкусом, благодаря рукотворному вкладу хозяев. Кухня, включая полки, стол, стулья и т. д., была сделана руками прекрасного резчика по дереву Юры Замошкина, а гардины и салфетки расшиты гладью Нелей Мотрошиловой. Всё это создавало особенно тёплую атмосферу действительно семейного уюта. Застолье было обильным и исключительно домашнего приготовления, весёлое и одновременно содержательное по разговорам и спорам. Но, пожалуй, центральное место в этом празднестве занимали ставшие для нас традиционными семейные шарады, разыгрываемые с большим остроумием и затейливостью. Победителей, а вслед за ними всех участников награждали памятными подарками, изготовленными руками Жени и Нелли, сопровождаемыми при этом соответствующими стихами Эриха. Особенно запомнились домашние тапочки для женщин и сшитые из шерстяного трикотажа мужские ночные колпаки.

Вторая половина шестидесятых годов была для нас периодом серьёзного погружения в научно-исследовательскую работу. Шла усиленная подготовка к выходу на защиту докторских диссертаций. Из числа близких мне людей самыми первыми докторами наук стали: Юрий Александрович Замошкин («Кризис индивидуализма и личность: Социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США», 1963); Борис Андреевич Грушин («Проблемы методологии исследования общественного мнения», 1967).

В первой половине 70-х на защиту вышли Олег Григорьевич Дробницкий («Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности: критика буржуазных концепций морали», 1970); Нелли Васильевна Мотрошилова («Познание и общество. Из истории философии XVII–XVIII вв.», 1970); Мераб Константинович Мамардашвили («Формы и содержание мышления», 1970); Ксения Александровна Абульханова-Славская («О субъекте психической деятельности», 1973); Вадим Николаевич Садовский («Основание общей теории си-

стем», 1974); М. Степанянц («“Мусульманские” концепции в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX в.», 1974).

В очерёдности докторских защит нет смысла искать строгой закономерности. Во всяком случае, я была искренне смущена, оказавшись впереди тех, кого считала для себя авторитетами: Лекторский Владислав Александрович («Субъект, объект, познание, 1978); Нина Степановна Юлина («Проблема метафизики в американской философии XX века», 1979); Эрих Юрьевич Соловьев («Эпоха ранних буржуазных революций и практическая философия Канта», 1991).

Защиты диссертаций в институте, особенно те, что вызывали споры, в которых активно выступали противники, были большими событиями. Из таковых мне особенно запомнилась защита Олега Дробницкого, на которой зал Учёного совета не вмещал всех желающих и многие стояли вдоль стен по периметру аудитории. Обсуждение диссертации было жарким, можно даже сказать, жёстким. На меня произвело огромное впечатление, сколь аргументированно парировал критику (вернее, «критиканство») сам соискатель, и ещё – выступление Марии Исааковны Петросян (1911–1971). Позже я узнала, что она родилась в Нагорном Карабахе, получила высшее юридическое образование в Баку, училась в аспирантуре МИФЛИ, где в 1937 г. защитила кандидатскую диссертацию по философии Л. Фейербаха. В 50–60-х гг. заведовала кафедрой философии Московского института управления. В последние годы жизни работала старшим научным сотрудником в нашем институте. В 1965 г. за монографию «Гуманизм» ей была присуждена степень доктора философских наук. Ещё позже мне сказали, что её муж – известный всем нам профессор Хачик Нишанович Момджан. Выступление Марии Исааковны поразило смелостью, сочетавшейся с темпераментностью, придававшей её речи ещё большую убедительность. Я не знала тогда, что Мария Исааковна была смертельно больна; она умерла от рака менее чем через год – в ноябре 1971 г.

Радуюсь успеху Олега, празднуя его победу над всеми хулителями и противниками, никто из нас не мог представить, что вскоре с ним придётся попрощаться. Третьего марта 1973 г., возвращаясь с Исполкома Международной федерации философских обществ, посвящённого подготовке к очередному Всемирному философскому конгрессу в Болгарии, Олег и его сверстник Дмитрий Средний погибли в авиакатастрофе при полёте к Москве. Их гибель потрясла всех нас – друзей и коллег. Горе было глубоким, никто не мог сдержать слез и отчаяния по поводу бессмысленной жестокости судьбы. В те годы в Москве не было такого изобилия и разнообразия живых цветов, каким мы радуемся сегодня. Не могу объяснить почему, но мне хотелось положить к ногам друга большой букет белых гвоздик (именно белых). Достать их мне не удавалось в связи с ажиотажем вокруг празднования Дня 8-го марта. Пришлось обратиться к своей ближайшей студенческой подруге, влиятельное служебное положение которой позволило положить на могилу заветные белые гвоздики.

Несправедливость свершилась, вырвав из жизни двух молодых людей в полном расцвете сил. А жизнь, тем не менее, продолжалась. Практически через год состоялась защита докторской диссертации. Путь продвижения к заключительному действию оказался довольно тернистым. Расскажу об этом, поскольку личная моя история типична для времени, о котором идёт речь.

К началу 1971 г. я представила сектору на обсуждение рукопись четвёртой своей монографии «Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв.». Прочитав её, зав. сектором С.Н. Григорян сказал мне, что, по его мнению, рукопись не только должна быть опубликована, но она, практически, представляет собой готовую докторскую диссертацию. На обсуждении рукопись была рекомендована к печати, и многие коллеги поддержали мнение Сергея Николаевича. Так я решила оформить текст в формате диссертаци-

онного исследования. В течение полутора лет я работала над ним и осенью 1972 г. представила рукопись на обсуждение в качестве докторской диссертации.

Коллеги дали положительную оценку исследования, подчёркивая его фундаментальный характер и оригинальность подхода к наиболее острым современным проблемам мусульманского мира. Прямо противоположную позицию занял Николай Герасимович Сенин. Напомню, он был доктором наук, специалистом по современной китайской философии, человеком, который претендовал на безусловную «чистоту» своих марксистско-ленинских взглядов, а потому и право на решительную борьбу с отступлениями на позиции «ревизионизма». Именно таким образом он поступал при всех обсуждениях на секторе.

Н.Г. Сенин говорил более часа. Он признал, что работа представляет собой «фундаментальный труд, содержит свежий материал, свободен от компиляций»⁵. Но далее было категорично заявлено: «Работа не диссертательна». Во-первых, исследование проведено по «неактуальной теме» и роль ислама в современной идеологической борьбе преувеличена. (И это говорилось за шесть лет до Иранской революции и смены шахской власти аятоллой Хомейни!). Во-вторых, соискатель нигде не упоминает, а следовательно, не принимает во внимание, наиболее важную оценку, данную Карлом Марксом: «религия – это опиум для (?) народа». В-третьих, вместо того чтобы «говорить о доктрине (!?) ислама так, как она есть», соискатель рассуждает о различных направлениях, в частности о мусульманском реформаторстве и «исламском социализме», которые возникли тогда, когда «командные силы собирают силы, чтобы решить, как приспособить религию к тому, чтобы сохранить её власть над населением». И т. д., и т. п. В заключение Н.Г. Сенин заявил: «Автор проделал значительную работу. Он обработал большое количество руды, из неё выплавлен металл, а вслед за этим – болванка образа. Остаётся теперь сделать ещё диссертацию».

Критика Н.Г. Сенина вызвала отрицательную реакцию со стороны всех сотрудников, кроме всегда выступающей вместе с ним против «ревизионизма» переводчицы с японского языка, из пограничных войск, Л. Шахназаровой. Она промолчала.

То, что в мою поддержку аргументированно и горячо выступили Е.А. Фролова и Б.С. Ерасов (к сожалению, в 1970 г. институт был вынужден покинуть А.В. Сагадеев из-за личных семейных проблем), не было для меня неожиданным, т. к. я знала их взгляды, читала все их работы. Но вот выступление С.Н. Григоряна меня удивило. Он обычно говорил тихим голосом, без открытого выражения⁶ эмоций, можно сказать, примирительно. И вдруг прямая, решительная конфронтация с мнением всегда претендовавшего на универсальную авторитетность своего мнения Н.Г. Сенина.

Мы, специалисты, – начал выступление С.Н. Григорян (тем самым подчёркивая, что он, в отличие от китаиста Сенина, является признанным исламоведом), – заявляем, что работа Степанянц по-настоящему уникальна. Это самостоятельное и оригинальное исследование... Я внутренне убеждён, что после публикации работа будет переведена на иностранные языки, поскольку она представляет собой «новое слово» в мировом исламоведении.

Подавляющим большинством голосов работа была рекомендована к защите.

Состоявшаяся в начале февраля 1974 г., защита прошла успешно. Этим я во многом обязана моральной поддержке со стороны коллег и друзей. Особо хотелось бы отметить Юрия Александровича Замошкина, его напутствия по организации «обороны» от критиков, проявлявших бдительность в отношении сохранения идеологической чистоты наших рядов. Весомую поддержку я получила от востоковедов, начиная с директора Института востокове-

⁵ Здесь и далее взятые в кавычки слова Н.Г. Сенина приводятся по тексту сохранившейся стенограммы.

⁶ Здесь и далее взятые в кавычки слова Н.Г. Сенина приводятся по тексту сохранившейся стенограммы.

дения академика Б. Гафурова, приславшего на диссертацию отзыв, который, как выяснилось позже, был по его поручению подготовлен ведущими специалистами по мусульманской идеологии и политике. Неожиданным и радостным оказался приход на защиту таких «тяжеловесов» в индологии, как академик (в то время членкор Академии наук) Григорий Максимович Бонгард-Левин и главный редактор журнала «Восток» Леонид Борисович Алаев. Эта коллегиальная поддержка была исключительно важна, учитывая, что 10 января, практически накануне защиты, после скоротечного рака скончался Сергей Николаевич Григорян.

Уход из жизни в возрасте 54 лет основателя и заведующего привёл к резкому ухудшению положения дел в секторе. Через две недели после защиты я должна была присоединиться к мужу, направленному на дипломатическую работу в Канаду. Естественно, что в последовавших секторских событиях я не принимала участие.

Радикальное реформирование востоковедного подразделения Института философии

За шесть лет моего отсутствия (1974–1980) руководство сектором сменялось трижды. В 1975–1976 гг. обязанности и. о. зав. сектором исполняла Е.А. Фролова. В апреле 1976 г. был объявлен конкурс на замещение вакантной должности заведующего сектором. Им стал Николай Петрович Аникеев. Однако в коллективе обстановка осталась напряжённой. 24 апреля 1977 г. в дирекцию института поступило заявление за подписью 8 сотрудников, в котором говорилось, что отношения в коллективе настолько осложнились, что многие «серьёзно подумывают о возможности дальнейшего пребывания в институте». С конца 1979 до сентября 1980 г. и. о. зав. сектором был Давид Джохадзе, защитивший за два года до этого докторскую диссертацию «Диалектика Аристотеля (диалектика историко-философского процесса)».

Весной 1980 г. я вернулась на работу в институт. Со мной сразу стали говорить о взятии на себя обязанностей зав. сектором. Я несколько месяцев отказывалась, полагая, что психологически не смогу справиться с создавшейся в коллективе обстановкой. (Подтверждением тому служит моя переписка с Е.А. Фроловой.) На общем собрании Института философии директор Б.С. Украинцев охарактеризовал наш сектор как «банку с борющимися пауками». Более всего меня смущал (пугал) натиск со стороны Н.Г. Сенина. В моем присутствии между ним и Е.А. Фроловой шла такая перепалка, что в ход был пущен горшок с цветами. Когда во время одной из подобных ситуаций я попыталась выразить отрицательное отношение к поведению Сенина, он стал стучать кулаком по столу и кричать, что за границей я «забыла, что такое Советская власть».

Директор несколько раз беседовал со мной, уговаривая стать заведующим. Я отказывалась, ссылаясь, в частности, на неспособность справиться с «агрессивностью» старшего поколения в секторе. Б.С. Украинцев дал мне совет написать донос на Сенина, любого содержания, пусть даже и выдуманного. Передать своё потрясение и отвращение по поводу такого совета не считаю возможным.

В конце концов стало ясно, что ни я, ни большинство моих коллег не сможем продолжить работу без принятия радикальных мер. Было принято решение о реорганизации и проведении конкурса на замещение всех имеющихся должностей. Так возник сектор актуальных проблем современной философии стран Азии и Африки (вынужденное странное название!), спустя несколько лет переименованный в сектор философии зарубежного Востока.

Опираясь на оставшихся в секторе сотрудников, можно сказать героически отстоявших реформирование подразделения, я, как новый заведующий, приступила, прежде всего, к заполнению вакантных единиц набором новых сотрудников. В 80-е гг. наши ряды пополни-

лись высококвалифицированными специалистами из числа выпускников философского факультета МГУ, которые благодаря Юрию Константиновичу Мельвилю, возглавлявшему кафедру истории философии (1968–1985), уже в годы учёбы изучали восточные языки и специализировались по истории философии Китая, Индии, арабского мира, Японии. Именно эти студенты составили до сих пор функционирующий «золотой фонд» отечественного философского востоковедения: В.К. Шохин, В.Г. Лысенко, Н.А. Канаева, Л.Б. Карелова, а также постоянно сотрудничающие с ИФ РАН, хотя и работающие в Институте востоковедения РАН (А.И. Кобзев, В.П. Андросов, Н.В. Исаева), Н.С. Кирабаев (РУДН). Большой удачей для нас был приход выпускников Института стран Азии и Африки при МГУ, соединявших отличное знание восточных языков с философским образованием в нашей аспирантуре (В.В. Зайцев, А.А. Кара-Мурза, А.В. Никитин, А.В. Смирнов). Пополнение произошло за счёт филологов и историков, проявлявших серьёзный интерес к философии: Н.В. Ефремова, О.В. Мезенцева, В.С. Семенцов, Г.А. Ткаченко, Г.Б. Шаймухамбетова и др.

Сотрудников обновлённого и расширенного сектора объединяла решимость освободиться от идеологического груза в исследованиях по восточным философиям. Разделы по Востоку в «Истории философии», так же как и подавляющее большинство философских востоковедных работ того времени, были написаны с намерением отвергнуть европоцентристское отношение к восточной философии. Об этой установке прямо говорилось в предисловиях, вводных разделах практически всех трудов. Однако, как это ни парадоксально, критикуя буржуазный европоцентризм, авторы, по существу, проявляли собственный, поскольку пытались рассмотреть и оценить восточную философию исключительно в рамках вульгарного марксизма. Отсюда упорное стремление развести философию и религию, материализм и идеализм как полярные, несовместимые идейные течения и, как следствие этого, игнорирование, непонимание своеобразия развития философской мысли в Индии, Китае и т. д.

Предписанная сверху задача активной, непримиримой борьбы с идейными противниками определила направленность большинства коллективных трудов 60–70-х годов. Так, малочисленные силы философов-востоковедов были сосредоточены на изучении идеологий национально-освободительных движений, революционно-демократических сил, «некапиталистического» пути развития.

За сравнительно короткий срок (с 1980 по 2000 г.) деятельность сектора восточных философий изменилась настолько, что нас в институте стали «замечать». Это проявилось сначала в робких и почти анекдотичных формах. Не помню точно, в 1987 или 1988 г., мне позволила Пиама Павловна Гайденко. Она объяснила, что звонит по поручению академика Ивана Тимофеевича Фролова, который просил меня поручить сотрудникам сектора подготовить текст объёмом до 5 машинописных страниц о восточной философии для готовящегося под его редакцией вузовского учебника «Введение в философию» [Введение в философию 1989]. (П.П. Гайденко отвечала в учебнике за раздел по истории философии.) Честно говоря, я подумала, что ослышалась. Переспросила и получила в ответ подтверждение: именно пять страниц. Такова на тот момент была оценка уважаемыми коллегами значимости философского наследия трёх восточных цивилизаций: 5 машинописных страниц в книге объёмом около 1000 печатных страниц!

При всем своём уважении к И.Т. Фролову и П.П. Гайденко я вынуждена была сказать «нет» в ответ на столь удивительное предложение. Я объяснила, что не могу себе позволить просить сотрудников представить философское наследие трёх цивилизаций в таком объёме. Самое большое, что я могу обещать («скрипя зубами» от унижения), это сама (не унижая других) написать текст объёмом не менее 1 п. л. Переговорив с Иваном Тимофеевичем, Пиама Павловна согласилась с моим предложением. Так появился отечественный учебник с не-

большим разделом по Востоку. Кстати, учебник неоднократно переиздавался и был переведён на ряд иностранных языков.

Сегодня я вспоминаю случившееся с пониманием. И.Т. Фролов, на самом деле, был первым из «высокопоставленных» философов, кто обратил внимание на работы философов-востоковедов и активно поддерживал нас, публикуя в журнале «Вопросы философии» в бытность свою его учёным секретарём, а затем главным редактором (1968–1977).

Значительно полнее восточные философии были представлены в учебном пособии для студентов высших учебных заведений под редакцией Н.В. Мотрошиловой [История философии 1995–1998]. Нелли Васильевна, как мне кажется, единственная из институтских коллег вне нашего сектора уже в то время читала опубликованные нами книги, как индивидуальные, так и коллективные монографии, и проявляла уважение к нашей деятельности.

Радикальное повышение статуса сектора в деятельности института произошло благодаря новым руководителям Института философии – В.С. Стёпину и А.А. Гусейнову. Вячеславом Семеновичем Стёпиным было инициировано введение новой ориентации в университетском преподавании. Он предложил мне прочитать ряд лекций заведующим кафедрами философии, которые были направлены к нам на курсы повышения квалификации. Опыт оказался удачным и с энтузиазмом воспринятым слушателями. Это было взято на заметку «отцами-основателями» – академиками, возглавлявшими ряд гуманитарных академических институтов (в первую очередь, А.О. Чубарьяном, В.С. Стёпиным, А.А. Гусейновым) при учреждении в 1992 г. Государственного академического университета гуманитарных наук.

Через шесть лет (в 2008 г.) по инициативе Салама Керимовича Гусейнова, неизменно поддерживавшего нас во всех начинаниях и даже «подталкивающего» к ним, на базе указанной кафедры по Соглашению между ЮНЕСКО и Институтом философии РАН была создана первая, и до сих пор единственная в Российской Федерации, кафедра ЮНЕСКО по философии – «Философия в диалоге культур» (ФДК).

При всей значимости образовательно-преподавательской работы, главным для нас, как сотрудников академического института, является исследовательская деятельность. Я неслучайно озаглавила представленный здесь текст «Открытое миру поколение». Это ставшее крылатым определение шестидесятников мне показалось наиболее подходящим для уточнения того, что стало для нас, философов-востоковедов, «камертоном» в нашей научной работе. Шестидесятники настроили нас на «открытость миру», задав то общее настроение, общий «тон», ставший эталоном нравственной высоты. Серьёзно занявшись переводами источников с вэньян (классического письменного языка, использовавшегося в Китае до XX в.), санскрита, пали, арабского, фарси, японского, корейского, вьетнамского, мы открывали сначала для самих себя, а затем для других, кто этого желал, мир Востока в его уникальности, богатстве и разнообразии. Перейдя далее к комментированию переводов, мы открывали заложенные в них и непонятные западной культуре смыслы, позволившие приступить к фундированным историко-философским исследованиям⁷.

Следующим шагом в развитии философского востоковедения стала подготовка энциклопедических изданий. Речь, прежде всего, идёт о «Новой философской энциклопедии» [Новая философская энциклопедия 2001]. Она была названа «новой», поскольку ей предшествовала первая отечественная философская энциклопедия в 5 томах под редакцией Ф.В. Константинова (1960–1970).

Новой России требовалась новая философская энциклопедия, свободная от искажений, примитивных и ошибочных оценок, выполненная на высоком профессиональном уровне

⁷ В 1993 г. была учреждена академическая серия «История восточной философии» (Отв. ред. М.Т. Степанянц) для издания фундаментальных исследований. На сегодняшний день в серию вошло 18 книг по различным направлениям индийской, китайской, японской, арабской, персидской философии.

с опорой на имеющийся в научном сообществе потенциал, реализации которого ранее препятствовали преграды политического, идеологического, бюрократического порядка.

Руководство института во главе со В.С. Стёпиным и А.А. Гусейновым инициировало подготовку новой энциклопедии. Эта инициатива вызвала поддержку, я бы сказала даже, энтузиазм многих коллег, что позволило за относительно короткий срок выпустить подлинно новое издание.

Наверно, нелишне будет сказать, что при подготовке словника энциклопедии и его утверждении не обошлось без курьёза: один из уважаемых членов редакционного совета из числа историков философии выразил недоумение по поводу слишком большой численности статей по восточным философиям, практически приравненной к численности таковых по античной философии. К счастью, это возражение было отклонено главными редакторами, напомнившими, что речь идёт о представленности в энциклопедии трёх цивилизаций, а именно китайской, индийской, арабо-мусульманской, что не только допустимо, но необходимо, если мы желаем отмежеваться от западнотризма в истории философии.

Мудрость и справедливость такого решения подтвердилась хотя бы в том, что широкое освещение восточных философий в энциклопедии было признано при её итоговой оценке в качестве одного из наиболее значимых её отличий от энциклопедии 1960–1970 гг., наряду со статьями по философии науки и русской средневековой философии. Далее последовала подготовка энциклопедий по индийской философии и философии буддизма. Изданные нами энциклопедии были оценены, прежде всего в самой Индии, как уникальные издания.

Накопленный исследовательский багаж отечественного философского востоковедения позволил активно подключиться к компаративному вектору мировой академической науки. В 1990 г. в Москве состоялись две конференции. Первая на тему «Культура и модернизм: проблемы феминизма», вторая – «Концепция человека в традиционных культурах». Помимо отечественных учёных в них приняли участие руководители гавайских конференций американцы Элиот Дейтч и Роджер Эймс, компаративисты из Индии, Великобритании, Мексики, Франции. По материалам конференций были подготовлены коллективные труды «Феминизм: Восток – Запад – Россия» [Феминизм: Восток – Запад – Россия... 1993], а также «Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока» [Бог – человек – общество... 1993].

Перечисленные конференции продемонстрировали зарубежным компаративистам высокий потенциал отечественного философского востоковедения. О признании такового свидетельствует, в частности, тот факт, что зав. сектором восточных философий был приглашён выступить в роли директора последующих гавайских конференций (1995 и 2000) и в качестве председателя международного консультативного совета (2006 и 2011).

Развитие отечественной компаративистики было оформлено учреждением Институтом философии в 2002 г. специальной академической серии «Сравнительная философия». Примечательно, что при оформлении обложки серийного издания был позаимствован логотип журнала «Philosophy East and West» и тем самым была подчеркнута связь с традициями международной компаративистики. Это не значит, что в российском востоковедении не было собственных заделов. Они существовали, и их справедливо можно оценивать как всемирно значимые. Это убедительно было подтверждено В.К. Шохиним в его исследовании, посвящённом восточно-западным философским студиям Ф.И. Щербатского (1866–1942) [Шохин 1998].

С 2002 г. сектор стал проводить Московские международные конференции по сравнительной философии: «Моральная философия в контексте многообразия культур» (2002), «Знание и вера в диалоге культур» (2006), «Философия и наука» (2012). Материалы всех конференций были опубликованы не только на русском, но и на английском языке Советом по исследованиям ценностей и философии в Вашингтоне.

Сравнительная философия прошла три основных этапа эволюции: от доказательства «истинности» только западной философии к усилиям по созданию «синтетической философии» и, наконец, к признанию автономности и значимости незападных философий. Так появилась межкультурная философия, которая стала продолжением философского компаративизма на качественно новом уровне – в контексте новых вызовов: не столько европоцентризма, сколько глобализма. Это рефлексия, не ограниченная рамками национальных или цивилизационных границ.

О том, что удалось сделать за прошедшие годы, лучше всего могут рассказать те, кто пришел вслед за шестидесятниками. В рядах сектора восточных философий вырос целый ряд руководящих сотрудников Института философии, возглавивших новые исследовательские направления. К их числу относятся: А.А. Кара-Мурза (зав. сектором философии российской истории), А.В. Смирнов (зав. сектором философии восточного мира), В.К. Шохин (зав. сектором философии религии). Защитивший в секторе восточных философий кандидатскую и докторскую диссертации, Андрей Вадимович Смирнов – директор Института философии РАН. С 2012 г. – сектором руководит Виктория Георгиевна Лысенко. В настоящее время наши ряды значительно «омолодились». Услышать «голоса» представителей разных поколений, в особенности тех, кого называют миллениалами (а они составляют у нас большинство), важно для исправления допущенных ошибок, для нахождения альтернативных методологических подходов, для открытия новых горизонтов развития философского востоковедения.

Андреев А.И. 2008. Буддологические исследования академика Ф.И. Щербатского и Тибет // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – Т. 9. – № 1.

Бог – человек – общество... 1993. *Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока* / Отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература.

Введение в философию... 1989. *Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений: в 2 ч.* / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат.

Гегель Г.В.Ф. 1966. Лекции по истории философии: в 2 кн. К. 1. СПб.: Наука, 1993. «Исламская этика» и ее социальный смысл. – *Вопросы философии*. – № 2. – С. 100–109.

История философии... 1941. *История философии. Т. 1, 2* / Под ред. Г. Ф. Александрова и др. – М.: Политиздат при ЦК ВКП(б): ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ.

История философии... 1957–1966. *История философии: в 6 т.* – М.: Издательство АН СССР.

История философии: Запад – Россия – Восток... 1995–1998. *История философии: Запад – Россия – Восток: в 3 кн.* Учеб. пос. для студентов высших учебных заведений / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. – М.: Греко-латинский кабинет.

Люди и судьбы... 2003. *Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)* / Изд. подгот. Я. В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское Востоковедение.

Митрохин Л.Н. 1962. *Американские миражи*. – М.: Молодая гвардия.

Митрохин Л.Н. 2005. *Мои философские собеседники*. – СПб.: РХГА.

Мотрошилова Н.В. 2009. Уникальное сообщество философов. – *Наши философский дом*. – М.: Прогресс-Традиция.

Новая философская энциклопедия... 2001. *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* – М.: Мысль.

Степанянц М.Т. 1964. Об одной реакционной концепции религиозного социализма. – *Вопросы философии*. – № 9. – С. 78–88.

- Степанянц М.Т. 1967. *Философия и социология в Пакистане. Очерки*. – М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы.
- Степанянц М.Т. 1971. *Лотос на ладонях. Заметки о духовной жизни индийцев*. – М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы.
- Соловьев Э.Ю. 1966. *Экзистенциализм и научное познание*. – М.: Высшая школа.
- Соловьев Э.Ю. 1984. *Непобежденный еретик (Мартин Лютер и его время)*. – М.: Молодая гвардия.
- Феминизм: Восток – Запад – Россия... 1993. *Феминизм: Восток – Запад – Россия* / Отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Восточная литература.
- Шохин В.К. 1998. *Ф.И. Щербатской и его компаративистская философия*. – М.: ИФ РАН.
- Юлина Н.С. 2009. Окидывая взглядом прошлое. – *Наши философский дом. К 80-летию Института философии*. – М.: Прогресс-Традиция.
- A History of Muslim Philosophy... 1963–1966. *A History of Muslim Philosophy* / Ed. by M.M. Sharif. – Vol. I–II. – Wiesbaden.
- A staff reporter... 1972. A staff reporter. Soviet Academician on Iqbal's Philosophy. – *Pakistan Times*. – 21.12.1972.
- Contemporary Indian Philosophy... 1936. *Contemporary Indian Philosophy* / Ed. by S. Radhakrishnan, J. H. Muirhead. – London: George Allen & Unwin LTD.
- Lotoso Zviedas... 1973. *Lotoso Zviedas ant Delno* (in Litvinian). – Vilnius: Leidykla «Mintis».
- Qadir C.F. 1972. Contemporary Pakistan Philosophy. – *The Pakistan Times*. – 24.12.1972.
- Stepanyants M.T. Islamic Socialism: The Pakistan Way. – *Central Asian Review*. – London. – Vol. XIII. – No. 1. – P. 55–61.
- Stepanyants M. T. 1972. *Pakistan: Philosophy and Sociology*. – Lahore: People's Publishing House.
- The Islamic Ethics... 1966. The Islamic Ethics and Its Social Purport. – *Central Asian Review*. – Vol. XIV. – No. 4. – P. 294–305.
- Zeno. 1972. As Others See Us. – *The Pakistan Times*. – 13.10.1972.